

2005 - 21 марта

Войнович в рамках

Открывается выставка картин писателя

ВЕРНИСАЖ

Игорь Шевелев

ЗНАМЕНИТЫЙ писатель завершает первое десятилетие своего живописного творчества этапной выставкой в авторитетной галерее «Дом Нащокина». На выставке будут представлены, кроме живописных работ, биографические фото- и киноматериалы.

Когда-то я здорово обидел писателя Владимира Войновича, написав в рецензии на одну из первых его живописных выставок, что представленные там картины мог бы написать его знаменитый литературный герой Иван Чонкин. Я-то имел в виду, что внутренний мир Войновича един в разных проявлениях его искусства, но Владимир Николаевич почувствовал себя задетым. Я забыл, что великие сатирики особо ранимы. Достаточно вспомнить Салтыкова-Щедрина или Свифта. Естественное, казалось бы, желание ответить на их шутки собственными они воспринимают с недоумением. Ну а теперь и вовсе, какие могут быть шутки?

Российская газета | Владимир Николаевич, расскажите о вашей нынешней выставке.

Войнович | Сегодня открывается выставка в галерее «Дом Нащокина». Там будут мои работы за 10 лет. Я раньше острил, что я — молодой художник, поскольку начал заниматься живописью, едва достигнув пенсионного возраста. Но так можно было говорить год, два, три. Нынешняя выставка — плод 10 лет моей работы или попытки моей работы в этом искусстве.

РГ | Критики сравнивали ваше художественное творчество с «мифками», с классиками наивного искусства. Как бы вы сами его оценили, обращаясь на прошедшие десять лет?

Войнович | Насчет «мифков» я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, поскольку не очень хорошо их знаю. Может, я в чем-то

РГ | А где вы храните столько работ?

Войнович | Дома. Никакой мастерской у меня нет, дачи нет, есть две квартиры, в Москве и в Мюнхене. Висят у меня на стенках.

РГ | А то, что не помещается, дарите и продаете?

Войнович | Нет, сейчас я не продаю и не дарю свои работы. Объясню, почему. Дело в том, что у меня год назад умерла жена, и я перестал рисовать. Целый год ничего не писал и задумался: «Что же, я все распродам и раздарю? Пусть лучше останется моим детям».

РГ | Зная ваши сложные литературные отношения с Солженицыным, хочу спросить, у вас есть его портрет?

Войнович | Нет, не писал, и писать не собираюсь. Я хотел сказать, что пишу только тех, кого люблю, но это не совсем так. У меня есть, например, портрет Ленина и портрет Сталина, которые называются «Ленин хороший, Сталин плохой». Это, конечно, все иронически.

РГ | Как движутся литературные труды? Будет ли продолжена автобиографическая книга «Замысел»?

Войнович | Сейчас одна из газет печатает куски моей автобиографии, примыкающие к «Замыслу». Но это уже другая книга.

РГ | Вы были поэтом-песенником, написавшим хит 60-х «На пыльных тропинках далеких планет», вы прозаик, сатирик, публицист, диссидент, мемуарист. Живопись тоже вошла в это единство личности гранью визуального творчества?

Войнович | Да, могу вам рассказать в качестве примечания. Когда меня спрашивали: «А где продолжение «Замысла»?», я отвечал: «Мои картины и есть продолжение этой книги». А случилось вот что. Я писал «Замысел», пытался продолжать «Чонкина» и вдруг почувствовал, что мне скучно. Одна моя знакомая даже сказала: «У тебя кризис». Вдруг так получилось, что я попробовал что-то на-

За литературу меня всю жизнь ругали последними словами.

А за картины — нет

неосознанно и совпал с ними, но это без моего ведома. Когда обо мне говорят, что я художник примитивный, это мне не нравится, я предпочитаю, чтобы говорили «наивный». С этим я согласен, потому что я наивно решил, что я художник. В искусстве давно идет такое движение, когда многие художники, потрясенные успехом наивной живописи таможенника Руссо или Пиросмани, стали делать вид, что они не умеют рисовать, отказались от классического рисунка. Обычно я говорю, что на их фоне я подлинный современный художник, потому что и впрямь не умею рисовать.

РГ | Я думаю не надо пояснять, что имеется в виду творческая подлинность. А кто ваши любимые художники, ваши образцы в живописи?

Войнович | Вообще я люблю не только Пиросмани, но и классическую живопись. Русскую живопись очень люблю. Как-то я приехал из Лондона, где был в Национальной галерее, которая мне очень понравилась. А в Москве как раз открыли Третьяковку после долгого ремонта. Я пришел туда и просто был потрясен. Особенно люблю старых художников — Рокотова, ну и Репина, и Левитана, конечно. Очень люблю французских импрессионистов. Люблю Ренуара, Сезанна. Единственный, кого я не понимаю, это любимый художниками Матисс.

РГ | Вы подсчитывали, сколько картин написали за эти десять лет?

Войнович | Очень много. Первые три-четыре года я просто сошел с ума, писал с утра до ночи каждый день. Думаю, что написал не меньше пятисот картин маслом. И еще сотни рисунков.

рисовать. Мне это так понравилось, что я, как сумасшедший, все бросил и стал рисовать. В Германии продаются специальные альбомы с бумажными листами для живописи маслом и акрилом. Я начал писать на этих бумажках. Холсты я долго не покупал, потому что считал, что, если куплю холст, то это значит, что я вообразил себя настоящим художником. И я писал на этих листках. А поскольку им надо было сохнуть, а я писал очень быстро, то я начал прибавать их на стенку. Сначала окружавшие меня люди очень удивились, поскольку ничего подобного за мной не замечали. Моя жена сказала, чтобы я все это немедленно убрал. Потом удивились друзья. Как-то пришел ко мне литератор и издатель Михаил Гуревич. Он спросил: «А почему бы не сделать выставку?» Я говорю: «Вы что, смеетесь? Это любительская мазня, не более того». В следующий раз пришел с какой-то женщиной, посидели, поговорили. Оказалось, что она директор галереи АСТИ Натэлла Войсунская. Она звонит мне по телефону: «Вы знаете, надо делать выставку». Я говорю: «Вы хотите делать выставку, потому что у меня есть имя в другой области, да?» Она говорит: «Если бы ваши картины мне не понравились, я бы вам не предложила». Я долго не соглашался, потому что считал это нахальством — устраивать выставку. Но как-то меня уговорили, я пошел на нее с большим страхом. Я думал, что меня за нее обматерят. За литературу всю жизнь ругали последними словами, только сейчас затихли. А тут ничего. Даже какие-то художники оказались ко мне снисходительны. Так вот я и пошел дальше.

Владимир Войнович оставит детям не только свои книги, но и картины.

